

УДК 811.81'276.6

Куракина С.Н.*(г. Москва)*ПРОБЛЕМА ДОСТИЖЕНИЯ ГАРМОНИЧНОГО МНОГОЯЗЫЧИЯ
КАК ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОВОЙ НОРМЫ
ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые лингвистические проблемы построения единого законодательного пространства Европейского Союза (ЕС). Право ЕС отличается специфическими чертами по многим юридическим признакам. В то же время мультилингвизм как языковая рабочая среда создает определенные трудности формирования единой законодательной базы, так как возрастает риск появления разных версий перевода, возникновения редакционных разногласий. Объект исследования статьи – специальный язык нормативной юридической системы. Предметом исследования являются лингвистические проблемы, возникающие в условиях взаимодействия принципа равенства статуса многочисленных государств-участников и принципа единообразия специального правового языка. В исследовании использованы методы и приемы языкового наблюдения и анализа.

Ключевые слова: многоязычие, языковое разнообразие, принцип равенства языков, правовые нормы ЕС, согласование и стандартизация терминологии.

S. Kurakina*(Moscow)*THE PROBLEM OF ACHIEVING HARMONIOUS MULTILINGUALISM
AS THE BASIS FOR FORMING THE LEGAL NORMS OF THE
EUROPEAN UNION

Abstract. The article examines some linguistic problems connected with building up the common legal space of the European Union. The EU law has its specific features in respect of many legal characteristics. At the same time, multilingualism as a linguistic working environment creates certain difficulties in forming a common legislative base due to the enhancing risk of differences in translation versions and editorial discrepancies. The object examined in the article is the special language of the normative legal system. The subject of the research is a number of linguistic problems arising under the conditions of interaction of the two principles: the principle of equality of the status of numerous member states and the principle of uniformity of the special legal language. The research is based on the methods and techniques of linguistic observation and analysis.

Key words: multilingualism, linguistic variety, principle of languages' equality, legal norms of the European Union, coordination and standardization of terminology.

Лингвистика играет значительную роль в гуманитарных науках, в частности в юриспруденции. Однако был период, когда лингвистические (языковые) нюансы не принимались во внимание в международных юридических документах. Специалисты видели в языке права лишь способ языкового выражения юридического смысла. Юристы никому не доверяли толкование языка права, считая эту функцию своей прерогативой. Господствовало мнение, что обработка правовых текстов – это область, традиционно отведенная профессионалу, языка права как такового не существует, а существует лишь совокупность юридических терминов и некоторых специфических синтаксических оборотов внутри языка [10].

Язык права привлек внимание исследователей лишь во второй половине XX в. Проблема взаимоотношения языка и закона становится предметом научных исследований. Так, А.А. Ушаков отмечал три аспекта связи между языком и правом. Во-первых, это зависимость языка от права, которая влечет за собой общую тенденцию влияния общества на развитие языка. Во-вторых, это зависимость права от языка, определяющая процесс воздействия языка на развитие общества. Но есть еще третий аспект связи между языком и правом – язык «наряду со своими главными функциями выполняет в известной степени и функции, связанные с регулированием поведения людей, то есть язык выступает в качестве регулятора общественных отношений, в чем, как известно, и состоит суть права» [6].

Отношения между правом и языком становятся еще более сложными при наличии в стране нескольких государственных языков и нескольких правовых систем. По словам Ж. Корню, союз права и языка не является ни магическим, ни категоричным, ни нерасторжимым. Этот союз фактический, а это означает, что одно и то же право может быть выражено на нескольких языках [7]. Множественность языков и многообразие правовых систем, создающие скрещения и несоответствия в области права, языка и культуры, ставят вопросы скорее практические, чем теоретические.

Существует достаточное количество стран с несколькими официальными языками. Более того, некоторые страны имеют две и более правовые системы. Например, Канада – не только двуязычная страна, но страна, где с момента принятия Акта о Квебеке в 1774 г. сосуществуют,

с одной стороны, общее право (*common law*), и, с другой – право, основанное на романо-германской традиции. История развития языка права и правовой системы привели к их взаимосвязи и взаимозависимости. Так, в Квебеке Гражданский кодекс, по сути повторяющий Гражданский кодекс Франции, оказался неразрывно связанным с французским языком, а система общего права – с английским. Вполне закономерно, что в такой стране юридический перевод со временем становится фактором институциональной целостности и показателем плодотворного взаимодействия разных юридических традиций и разных языков [8].

В Европейском Союзе взаимодействие законотворческой и переводческой деятельности и задачи специального перевода ставят проблемы многоязычия в совершенно ином масштабе.

Многоязычие как социокультурный феномен является необходимым условием сосуществования различных этносов и культур. В последнее время это предмет серьезного и глубокого исследования не только лингвистов, но и психологов, культурологов, политологов и представителей других наук. В качестве синонимов многоязычия в словарях и научных работах используются также термины *плюрилингвизм*, *мультилингвизм*.

Евросоюз, в который в настоящее время входят 27 государств-членов, и в котором имеется 23 официальных языка, представляет собой особое образование как в правовом, так и в лингвистическом аспекте. Одним из основополагающих принципов Евросоюза является принцип «единства в многообразии». Речь идет о многообразии культур, традиций, обычаев, взглядов, убеждений и в том числе – языков. Таким образом, основные направления деятельности Евросоюза определяют и те действия и меры, которые разрабатываются и проводятся в странах-членах ЕС для сохранения многоязычия.

Евросоюз законодательно охраняет языковое разнообразие и закрепляет во многих нормативных документах принцип равенства его официальных языков. Статус языков Европейского Союза регулируется рядом статей первичного и вторичного права. Первым документом, регулирующим языковой режим Евросоюза, стал регламент № 1, принятый Европейской Комиссией [4]. Этот текст, дополняемый по мере развития и расширения Европейского Союза, однозначно закрепил принцип равенства официальных и рабочих языков. Дискуссии о будущем лингвистическом режиме Европейского экономического сообщества и Европейского сообщества по атомной энергии начались еще в начале 1958 г. в Комитете постоянных представителей. Переговоры проходили на французском языке. Группе экспертов-лингвистов было

поручено подготовить немецкую, итальянскую и голландскую версии будущего регламента. Так, 15 апреля 1958 г. был единогласно принят регламент о лингвистическом режиме двух сообществ, составленный на четырех языках. Фактически это были два Регламента – Регламент №1 от 15 апреля 1958 г. об установлении языкового режима Европейского Экономического Сообщества и Регламент №1 от 15 апреля 1958 г. об установлении языкового режима Европейского Сообщества по атомной энергии [4]. В этих актах речь идет об официальных и рабочих языках, однако не определяется разница между ними, так как указывается, что все официальные языки являются рабочими, то есть языками, принятыми в повседневной работе международной организации. Эти же нормативные акты предоставили каждому европейскому институту право самому определять способы применения принципа равенства официальных языков в своих правилах внутреннего распорядка. В дальнейшем эволюция сообществ, расширение ЕС, в результате чего каждый раз добавлялись новые языки, заставляли принимать новые акты, отражавшие новые ситуации. Так, 7 декабря 2000 г. в Ницце была принята Хартия основных прав Европейского Союза. Три статьи Хартии содержат указания относительно лингвистического режима ЕС. Статья 21 запрещает любую дискриминацию, в том числе по признаку языка. Статья 22 гласит, что «Европейский Союз уважает культурное, религиозное и языковое разнообразие». И, наконец, в статье 41 говорится о том, что «каждый человек может обращаться в институты Европейского Союза на одном из официальных языков договоров и должен получить ответ на том же языке» [1].

Европейский парламент неоднократно предлагал следовать принципу мультилингвизма. 14 октября 1982 г. была принята резолюция о многоязычии Европейского Сообщества. В ней, в частности, говорится о том, что в будущей Конституции Евросоюза должно быть зафиксировано право каждого члена Европейского парламента использовать официальный язык своего государства в отношениях со всеми институтами и органами Евросоюза.

В резолюции Совета [министров] Европейского Союза от 21 ноября 2008 г. о европейской стратегии в пользу принципа мультилингвизма подчеркивается, что лингвистическое разнообразие является фундаментом европейской самобытности и культурного богатства. Мультилингвизм приобретает особую значимость в международном диалоге Европы с другими регионами мира, способствует развитию творческих инициатив, предоставляя доступ к другим способам духовного самовыражения и мироощущения [5].

Но по мере расширения Евросоюза увеличиваются практические трудности, связанные со статусным равенством официальных языков. В этом отношении можно рассматривать пример нормативной сложности языка права Евросоюза. Европейские директивы и нормативные документы издаются с целью приведения в соответствие и упорядочения определенных секторов права, необходимых для нормального функционирования новых европейских институтов.

В отличие от других международных организаций, особенность Евросоюза состоит в том, что он издает правовые нормы принудительного действия. Европейская норма едина для всех государств-участников. В большинстве случаев эта норма определяет новые юридические образования, ранее незнакомые правовым культурам многих государств. Специфика языка европейского права обусловлена, в первую очередь, необходимостью регулировать отношения большого количества государств, имеющих различные политические, экономические, культурные традиции. Одной из основных особенностей правовой деятельности Евросоюза является тот факт, что появление европейского законодательства – это результат компромисса двух правовых систем: англосаксонского права и романо-германского. Отметим, что все лингвистические версии европейского законодательства обладают одинаковой юридической силой, независимо от демографической мощности того или иного idioma. В связи с этим можно представить масштаб возможных проблем на стадии внедрения и конкретизации коммунитарных норм в случае редакционных разногласий.

Право ЕС является специфическим по многим своим признакам, в том числе по способу создания правовых норм. Но, с другой стороны, мультилингвизм может отрицательно влиять на качество законодательства. Ведь правовые нормы разрабатываются институциональной системой, которую можно характеризовать как транснациональную и мультинациональную, то есть создающую нормативные документы согласно принципу равенства языков. С точки зрения своего образования, язык европейской правовой документации основывается на теоретическом положении, согласно которому любой правовой акт составляется коллегиально на 23 официальных языках, то есть этот акт должен явиться результатом коредакции, а не просто перевода на несколько языков. Но как признают многие исследователи, это равенство носит скорее формальный характер, поскольку речь не идет о системе совместной редакции законов, которая существует, например, в Канаде. На практике создание правовой нормы – это процесс, находящийся под сильным влиянием переводческой деятельности.

Речь идет о системе, когда проекты нормативных актов составляются на одном или двух официальных языках, а затем переводятся на другие языки. Эти отношения между языками формулировки и языками перевода создают некую форму зависимости одних по отношению к другим. Как отмечают специалисты, основная трудность состоит в возросшем риске разногласий перевода нормативных текстов. Юридический акт – директива или нормативный документ – в большинстве случаев рождается в Европейской Комиссии, институте, обладающим правом на законодательную инициативу. Но, как правило, нормативное предложение составляется сначала на английском языке, затем, пройдя многочисленные этапы, сопровождающие законодательный процесс, и получив статус официального акта (директивы или нормативного документа), оно переводится на все другие языки. Основная трудность состоит в возросшем риске возникновения разных версий перевода нормативных текстов, что может способствовать увеличению свободы национального законодателя порой в ущерб европейскому.

Лингвистические проблемы находят свое решение в судебной практике Суда Европейских сообществ, одной из главных задач которого является разъяснение и толкование европейских правовых норм в случае возникающих в процессе рассмотрения дел разногласий. Практика Суда в этом вопросе такова, что единообразное толкование нормативных актов ЕС исключает возможность изолированного от других лингвистических версий рассмотрения того или иного текста или регламента. Суд требует, чтобы данный текст был истолкован и применен с учетом версий перевода на другие языки. Так, в деле *I.M.C.O. – J.Michaelis GmbH&Co/165-78* в преюдициальном порядке возник вопрос толкования в номенклатуре таможенных тарифов используемого в немецкой версии слова *zerlegt* (демонтированный, разобранный), в то время как все другие лингвистические версии содержат эквивалент французского выражения *démonté ou non monté* (демонтированный или в виде отдельных деталей). Суд решил, что немецкое выражение соответствует только французскому слову *démonté* и, таким образом, не может быть применимо к отдельно поставляемым деталям, предназначенным для сборки частей продукции. Суд определил, что данный пункт договора предполагает поставку не только разобранных (демонтированных) частей, но и целых деталей, необходимых для монтажа указанной в договоре продукции. Таким образом, именно в этом широком смысле должна быть истолкована немецкая версия данной характеристики поставляемых деталей [3].

Суд подчеркивает, что можно отдавать предпочтение той или иной лингвистической версии только в качестве рассмотрения ее как дополнительного фактора, способствующего соблюдению принципа правовой безопасности. Специалисты отмечают, что в зависимости от обстоятельств разногласия в переводе могут быть желаемым или даже необходимым условием для достижения окончательного консенсуса. В связи с этим, Государственный Совет Франции подчеркнул, что одной из неотъемлемых черт права ЕС является его «дипломатический» характер, не избегающий спорных моментов и не боящийся бросать вызов общепринятым стандартам законодательной техники [2].

Но можно ли в этих условиях достичь эквивалентности текстов в каждой правовой системе, основываясь на одной в ущерб другой? Специалисты отмечают, что это дело даже не языка или слов, а скорее склада ума, разницы точек зрения и восприятия общего и частного. В многоязычной Европе лингвист и юрист оказываются один на один перед текстом, рассчитывая только на свои собственные ресурсы для достижения требуемой эквивалентности, операции приблизительной, возможно, и с элементами случайности. В этих условиях резко возрастает роль новой области юридического перевода, основанной на многоязычном подходе, которая может сыграть роль регулятора в трудной процедуре стандартизации и согласования европейских юридических концептов и терминов. И в этом направлении ведется большая работа. В качестве примера приведем Европейский проект **LexALP**, разработанный в рамках Альпийской конвенции и предполагающий разработку и осуществление процедуры согласования многоязычной юридической терминологии на территории восьми приграничных Альпам государств, охватывающей четыре языка – немецкий, французский, итальянский и словенский [9].

Таким образом, создание особого правопорядка требует усилий многих специалистов, в том числе и лингвистов, ведь речь идет о специфическом – географическом, экологическом, социальном, лингвистическом, институциональном и юридическом – пространстве, которое требует от своих участников способности вести непростой диалог для достижения необходимого компромисса.

Источники и литература

Источники:

1. Хартия основных прав Европейского Союза. Ницца, 2000 [Электронный ресурс]. – URL: <http://ppt.ru/texts/index.phtml?id=38537> (дата обращения 20.08.2013).
2. A propos des considérations générales du Conseil d'Etat sur le droit communau-

taire. Rapport public, 1992, № 44 . [Электронный ресурс]. – URL : http://www.persee.fr/web/revues/home/prescript/article/polit_0032-342x_1993_num_58_3_6288 (дата обращения 15.02.2013).

3. I.M.C.O. 165-78 / Rec. P. 1840. [Электронный ресурс]. – URL: <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=CELEX:61978CJO165:FR:PDF>(дата обращения 28.07.2013).

4. Règlement du 15 avril 1958 portant fixation du régime linguistique de la Communauté Economique Européenne // JOCE n°17 du 6 octobre 1958. P. 385.

5. Résolution du Conseil de l'Union européenne du 21 novembre 2008 relative a une stratégie européenne en faveur du multilinguisme. Journal officiel, N° C320 du 16/12/2008. P.0001-0003. [Электронный ресурс]. – URL : <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:C:2008:320:0001:01:fr:HTML> (дата обращения 15.09.2013).

Литература:

6. Ушаков А.А. Очерки советской законодательной стилистики. Право и язык. М., 2008. – С. 83.

7. Cornu G. Linguistique juridique. – Paris : Montchrestien, 2005. – P. 5.

8. Devinat M. Le bijuridisme et le bilinguisme canadien : des idéaux sous tension // Revue française de linguistique appliquée, vol. XVI, № 1. – Paris, 2011. P. 33–50.

9. Lavault-Olleon E. Langue du droit et harmonisation terminologique multilingue : l'exemple de LexAlp// Lidil, revue de linguistique et de didactique des langues, № 38 . – 2008. – P. 11–32.

10. Mounin G. La linguistique comme science auxiliaire dans les disciplines juridiques // Meta, vol. 24, № 1. – Paris, 1979. – P. 9–17.